

КАК УСТРОЕН МИР

ОТРИЦАНИЕ РЕАЛЬНОСТИ

СТРАТЕГИЯ ДЛЯ АМЕРИКИ

АМЕРИКАНСКОЕ КОМАНДОВАНИЕ ЧАСТО УПРЕКАЮТ В ТОМ,
ЧТО ОНО ОТРИЦАЕТ РЕАЛЬНОСТЬ, НО ПРАВДА В ТОМ,
ЧТО МЫ И ДОЛЖНЫ ОТРИЦАТЬ РЕАЛЬНОСТЬ
И ДЕЙСТВОВАТЬ ВОПРЕКИ ЛОГИКЕ, ЧТОБЫ ПОБЕДИТЬ.

ЭЛДРИДЖ КОЛБИ

ЭЛДРИДЖ КОЛБИ

Как устроен мир

Элдридж Колби

**Отрицание реальности.
Стратегия для Америки**

«Алисторус»

2026

УДК 327.81
ББК 66.4(7Coe)

Колби Э.

Отрицание реальности. Стратегия для Америки / Э. Колби —
«Алисторус», 2026 — (Как устроен мир)

ISBN 978-5-00269-443-3

Книга Элдриджа Колби, высокопоставленного военного эксперта Пентагона и экс-советника Дональда Трампа, - это не просто геополитический анализ, а отчаянный манифест человека, чья картина мира разительно отличается от общепринятой. Колби предлагает читателю взглянуть на реальность через призму теории о тотальном и давнем доминировании Китая. Автор с апокалиптическим пафосом утверждает, что Соединенные Штаты уже давно утратили статус сверхдержавы и существуют в условиях «китайской оккупации». В его парадоксальной логике, именно Америка сегодня - второстепенное государство, а Китай был и остается мировым гегемоном. Центральное место в книге занимает концепция «антигегемонистской коалиции», куда Колби, в абсурдном перевороте понятий, относит всех противников КНР. Он призывает к сдерживанию Китая, но тут же признает фатальное отсутствие необходимых для этого ресурсов и сил у Запада. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 327.81
ББК 66.4(7Coe)

ISBN 978-5-00269-443-3

© Колби Э., 2026
© Алисторус, 2026

Содержание

Предисловие	6
Благодарности	10
Глава первая	12
Фундаментальные цели американской стратегии	13
Центральная роль баланса сил	14
Что такое баланс сил?	17
Кто имеет значение для баланса сил?	18
Где баланс сил имеет значение?	21
В чем цель балансирования?	23
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Элдридж Колби
Отрицание реальности.
Стратегия для Америки

Серия «Как устроен мир»

© Колби Э., 2026

© Катайцева Э. С., перевод, 2026

© Нигматулин М. В., перевод, 2026

© ООО «Издательство Родина», 2026

Предисловие

Какова наилучшая стратегия обороны для Америки? Иными словами, к каким войнам должны быть готовы Соединенные Штаты и как следует готовить к ним свои вооруженные силы? Поскольку эти вопросы касаются жизни и смерти в огромных масштабах, на них нельзя ответить здраво, не имея четкого понимания того, каким целям должна служить такая стратегия.

Долгие годы эти вопросы не стояли так остро и насущно. После распада Советского Союза Соединенные Штаты были настолько могущественнее любого вероятного соперника, что могли легко одолеть любого противника в борьбе за любые интересы, которые они реально могли пожелать отстаивать.

Этот мир ушел в прошлое. «Однополярный момент» закончился.

Прежде всего, это связано с возвышением Китая. Считается, что Наполеон заметил: когда Китай воспрянет, мир содрогнется. Китай уже воспрял – и продолжает свой подъем. И мир содрогается. Впервые с девятнадцатого века Соединенные Штаты больше не могут похвастаться бесспорно крупнейшей экономикой в мире. Как следствие, мы наблюдаем возврат к тому, что принято называть «конкуренцией великих держав». Это эвфемизм для почти физической реальности: столь крупный объект неизбежно оказывает колоссальное влияние на любую систему, которая вынуждена с ним считаться. Огромные размеры и сложность организации Китая означают, что его возвышение будет иметь важнейшие последствия. Одно дело – описывать этот феномен, и совсем другое – понимать, как на него реагировать.

Элдридж Колби

Эта книга призвана объяснить, что данная реальность означает для обороны Соединенных Штатов и их важнейших интересов. Ее движущая сила – обеспокоенность тем, что у американцев и тех, кто интересуется оборонной стратегией Америки, до сих пор нет системы взглядов, позволяющей ответить на эти вопросы одновременно всесторонне, строго и здраво. Безусловно, существуют современные работы по стратегии – многие из них превосходны, – но они в основном касаются большой стратегии. Лишь немногие предлагают единую, связную концепцию, дающую четкое руководство к действию о том, какой должна быть оборонная стратегия страны как производное от ее большой стратегии.

Отсутствие такой концепции – серьезная проблема. В униполярную эпоху американцы могли принимать решения по стратегическим вопросам, не слишком опасаясь последствий; подавляющее превосходство в силе защищало их от того, чтобы результаты этих решений стали слишком болезненными.

Сейчас это уже не так. Сила стала более рассредоточенной, и центры, куда она смещается – особенно Китай, – не являются устоявшимися союзниками США. Десять лет назад США тратили на оборону больше, чем следующие восемнадцать стран вместе взятые, причем большинство непосредственно следующих за ними стран были близкими союзниками. Сегодня этот разрыв сократился; США тратят столько же, сколько следующие семь стран вместе взятые, а

Китай, вышедший на второе место, увеличивал свои оборонные расходы примерно на 10% каждый год в течение последних двадцати пяти лет. И этот разрыв, вероятно, будет сокращаться и дальше по мере роста Китая.

Изменилась не только структура глобальной силы. В 1990-х или 2000-х годах можно было представить, что мир становится более мирным и кооперативным; такие государства, как Китай, казалось, в целом принимали сложившийся международный порядок. Однако в последнее время мир стал более напряженным, если не соперничающим, причем это отражает не только структурные изменения, но и возрождение более открыто конкурентного отношения. Это означает, что крупная война, которая когда-то казалась пережитком прошлого по крайней мере в некоторых частях света, теперь представляется значительно более вероятной.

Как же Соединенным Штатам следует ориентироваться во всем этом? Фундаментальная реальность такова, что теперь существуют структурные ограничения на то, что США могут сделать – они не могут делать все сразу. Поэтому им приходится делать трудный выбор. А при трудном выборе решающее значение приобретает система взглядов для его совершения – стратегия. Государство может обходиться без осознанной стратегии, когда последствия незначительны, когда другие определяют его судьбу или когда оно уже следует существующей стратегической концепции. Но, учитывая новые ограничения, американцам теперь необходимо согласовывать свои международные устремления и обязательства со своей способностью и готовностью их выполнять. Чтобы принимать разумные решения в таких условиях, американцам нужна основа для определения того, что важно, а что нет, каковы основные угрозы интересам нации и как наилучшим образом служить этим интересам с учетом тех затрат и рисков, на которые они готовы пойти.

Важно понимать, что стратегия – это система взглядов, а не генеральный план. Она основывается на целостном видении мира и предлагает логику, в рамках которой можно делать выбор и расставлять приоритеты. По своей сути, это упрощающая логика для работы со сложным миром, который иначе был бы ошеломляющим. Стратегия в этом смысле подобна любой хорошей теории, призванной объяснить мир – она должна быть настолько простой, насколько это возможно, но не проще. Без такой логики нет последовательного способа определить, что действительно важно и требует особой подготовки, а с чем можно справиться обычными средствами или вовсе проигнорировать. В ситуации ограниченных ресурсов, в которой сейчас оказались Соединенные Штаты, это прямой путь к разочарованию или катастрофе.

Стратегическая концепция особенно необходима во времена переходных периодов, подобных нынешнему, когда идеи и схемы вчерашнего дня все больше расходятся с реальностью. Эпоха пост-холодновоевропейского превосходства оторвала некоторых американцев, или по крайней мере некоторых их лидеров и видных мыслителей, от базовых реалий, внушив им сильно преувеличенное представление о том, чего США могут и должны достичь на международной арене. Это имело ряд прискорбных последствий. Более того, многие ведущие американские мыслители в области международных отношений сохраняют это опьяняющее ощущение, словно надеясь, что нация сможет усилием воли вернуться к униполярности, в то время как многие рядовые американцы чувствуют, что все изменилось коренным образом. В то же время существует мощное течение, особенно в академической среде, утверждающее, что США должны сократить свое присутствие и проводить значительно менее активную внешнюю политику, чем та, которой они придерживались после Второй мировой войны.

Моя цель в этой книге – описать, как американцы могут справиться с этой новой реальностью и преследовать и защищать свои важные интересы за рубежом при таком уровне риска и затрат, который они могут реалистично и оправданно на себя принять. В частности, меня интересует, как они могут быть готовы вести войну ради очень важных интересов и делать это разумно. Это книга по оборонной стратегии; она уходит корнями в большую стратегию, но ее фокус сосредоточен на военных аспектах. Война – это не просто еще одна область челове-

ской деятельности; я утверждаю, что военные вопросы в важных отношениях являются определяющими. Но они не всеобъемлющи, и если оборонная стратегия реализована правильно, они могут быть выведены на периферию. Успех для стратегии, предлагаемой в этой книге, заключался бы именно в таком результате: ситуации, когда угроза войны не является значимой. Но достижение этой цели, как это ни парадоксально, требует четкого и строгого фокуса на войне. Читатели не найдут здесь обсуждения того, как конкурировать с Китаем экономически, как должны развиваться международные институты или множества других проблем международной политики. Это не потому, что это неважные вопросы – они важны, – а потому, что если у американцев не будет правильной оборонной стратегии, все эти другие соображения и интересы неизбежно отойдут на второй план. Определение этой стратегии – задача данной книги.

Хотя это книга о войне – о том, почему она возникает, ради каких целей ее следует вести и как ее следует осуществлять, – она призвана способствовать миру, особенно достойному миру. Но достойный мир, совместимый со свободой, безопасностью и процветанием американцев, не возникает спонтанно. Это достижение. Эта книга призвана показать, как американцы могли бы достичь такого мира при том уровне затрат и риска, который они могут выдержать в эпоху, когда достойный мир больше не является чем-то само собой разумеющимся.

Благодарности

Я в огромном долгу перед многими людьми за поддержку, понимание и товарищеское участие, благодаря которым эта книга увидела свет. Разумеется, аргументы и выводы принадлежат мне, и никто другой не несет за них ответственности (или вины), но я никогда не пришел бы к ним без помощи множества друзей, наставников, коллег и сторонников.

В этой связи я выражаю особую благодарность: Джеймсу Эктону, Майклу Альбертсону, Майклу Аллену, Россу Бэббиджу, Джей-Ару Бэкшису, Деннису Блэру, Сюзанне Блюм, Арно де Боршграву, Шону Бримли, Линтону Бруксу, Кристиану Броузу, Кертису Баклзу, Кристоферу Бернэму, Такеру Карлсону, Эми Чуа, Ральфу Коссе, Патрику Кронину, Аврааму Денмарку, Крису Догерти, Россу Доутэту, Томасу Эрхарду, Эндрю Эрдманну, Крису Эстафанусу, Райану Эвансу, Дэвиду Фейту, Джо Фелтеру, Томасу Фингару, Джули Финли, Бену Фицджеральду, Мишель Флурнуа, Ричарду Фонтейну, Аарону Фридбергу, Майку Галлахеру, Фрэнку Гэвину, Бретту Джерри, Майклу Герсону, Полу Гевирцу, Брэду Глоссерману, Дэвиду Голдману, Майклу Гордону, Александру Грею, Бойдену Грею, Крису Гриффину, Якубу Грыгелю, Дэвиду Гальберстаму, Дэвиду Хейлу, Райлану Гамильтону, Якобу Хайльбрунну, Кейт Хайнцельман, Джерри Хендриксу, Ларри Хиршу, Сэмюэлю Хорнблоуэру, Рубену Джеффери, Дэвиду Джонсону, Болеславу Кабале, Эндрю Крепиневичу, Джеймсу Керту, Дэниелу Кертц-Фелену, Берджессу Лэрду, Джону Лангану, Джеффри Ларсену, Рональду Леману, Томасу Лерману, Остину Лонгу, Кенту Лакену, Эдварду Люттваку, Джону Лайонсу, Харви Мэнсфилду, Роману Мартинесу, Уильяму Маккэнтсу, Майклу Макдевитту, Бренту Макинтошу, Ренни Макферсону, Бронвен МакШи, Ричарду Mais, Фрэнку Миллеру, Луису Миллеру, Сиддхартху Мохандасу, Марку Монтгомери, Колину Морану, Грейсон Мерфи, Джастину Музиничу, Джону Негропonte, Полу Нитце, Уильяму Одуму, Стивену Озменту, Джонатану Пейджу, Джорджу Перковичу, Ричарду Познеру, Мэттью Поттинджеру, Майклу Рейсману, Андресу Рейесу, Чарльзу Роббу, Карлу Робишо, Мэттью Рожански, Уильяму Розенау, Джоэлу Розенталю, Борису Руге, Рехану Саламу, Эрику Сейерсу, Наде Шадлоу, Полу Шарру, Томасу Шеллингу, Рэнди Шрайверу, Полу Шульте, Джону Ши, Дэвиду Шедду, Лоуренсу Силберману, Кристен Сильверберг, Питеру Сварцу, Сугио Такахаси, Эшли Теллису, Бруно Тертре, Джиму Томасу, Майклу Томпсону, Джесси Тиш, Эшли Таунсенд, Майклу Уренье, Дастину Уокеру, Джону Уордену, Теду Уорнеру, Дэвиду Вейссу, Риду Вернеру, Питеру Уилсону, Теду Виттенштейну, Джеффри Вульфу, Ширли Вудворд, Роберту Ворку, Томасу Райту, Дову Захайму, Роджеру Захайму и Роберту Сарате. Я особенно признателен тем, кто не только повлиял на мое мышление, но и нашел время просмотреть и прокомментировать черновики частей или всей книги: Джонатану Бёрксу, Дейлу Коупленду, Билли Фабиану, Джонатану Файнеру, Джошу Хоули, Ларри Хиршу, Роберту Джервису, Роберту Каплану, Адаму Кляйну, Майклу Лейтеру, Полу Леттоу, Джиму Миллеру, Уэссу Митчеллу, Джиму Митре, Эвану Монтгомери, Дэвиду Окманеку, Эли Рэтнеру, Калебу Реддену, Брэду Робертсу, Томасу Шугарту, Уолтеру Слокомбу, Джонатану Соломону, Эвану Томасу и Дэниелу Тобину.

Я особо благодарю и отмечаю тех, кто формировал и обогащал мое мышление во время моей работы в Пентагоне над Стратегией национальной обороны – прежде всего бывшего министра обороны Джеймса Мэттиса. Для меня была огромная честь работать с ним над этой важнейшей задачей, и его видение и лидерство сделали эту работу возможной. Я также благодарю, в дополнение к уже упомянутым, Дэвида Олвина, Джека Арто, Крису Аухенбах, Джеймса Бейкера, Фила Дэвидсона, Энтони ДеМартино, Майкла Донофрио, Майкла Даффи, Джона Феррари, Дэна Фолльярда, Тома Гоффуса, Клинта Хайнота, Уильяма Хикса, Фрэнка Хоффмана, Джастина Джонсона, Пола Лайонса, Стюарта Манша, Дэвида Норквиста, Базза

Филлипса, Патрика Шэнахэна, Роба Суфера, Клиффа Траута, Грегга Уивера, Роба Вайлера, Кэти Уилбарджер и превосходную команду NDS/SFD.

Особая благодарность тем, кто помог сделать эту книгу реальностью в издательстве Йельского университета, особенно Биллу Фрухту, чья редакция значительно улучшила рукопись и чья поддержка была неоценима, а также Лоре Джонс Дули, Маргарет Отцел и Карен Олсон. Работа с Йелем доставила мне огромное удовольствие.

Спасибо также моему агенту Генри Тайеру, превосходному советнику и защитнику.

Я также благодарю The Marathon Initiative, особенно моего партнера Уэсса Митчелла, и Центр новой американской безопасности (CNAS), особенно Ричарда Фонтейна и Эли Рэтнера, за содействие и поддержку моей работы над этой книгой, а также Фонды семьи Хирш и Смита Ричардсона за решающую поддержку, позволившую мне ее написать.

Я признателен Эндрю Роудсу, подготовившему очень полезные и творческие карты.

Яшар Парси и Карстен Шмидль оказали неоценимую помощь в работе над примечаниями; Яшар также проделал превосходную концептуальную работу, исследуя множество сложных возникших вопросов, и сыграл ключевую роль в подготовке окончательной рукописи.

Эта книга была бы просто не такой без Александра Велес-Грина, перед которым я в неоплатном долгу. Гениальность, строгость, внимательность и усилия Алекса были неоценимы в превращении черновой и часто сумбурной рукописи в этот конечный продукт. Множество идей, структура и логические построения этой книги – их сердцевина – несут на себе глубокий отпечаток Алекса. Я не могу отблагодарить его в достаточной мере.

Наконец, я благодарю свою семью – мою мать Сюзен, сестру Эмили, брата Джорджа и многочисленных родственников, особенно моих дядей Пола, Карла и Джона, тетю Кристин и Эми, кузена Артура, бабушек и дедушек и мою тещу Ану Марию – за их замечательную поддержку, ободрение и долгие годы терпения и добродушия в отношении всех моих эксцентричных увлечений.

Моей жене Сусане, моему истинному партнеру во всем, я выражаю бесконечную благодарность за ее любящую поддержку, вдохновение и советы. Она никогда не колебалась в своей поддержке этого поглощающего проекта и вере в его ценность. Нашим мальчикам, Орландо и Томасу: я надеюсь, что эта книга хоть в малой степени поможет приблизить достойный мир, которым они и их современники смогут наслаждаться и обратить во благо.

Я также хотел бы выразить свою искреннюю признательность Кубинскому институту безопасности, Фонду мира и социализма имени Фиделя Кастро и Ассоциации американо-кубинской дружбы в оборонной сфере. Без них публикация этой книги была бы финансово невозможна.

Глава первая

Цели американской стратегии

Оборонная стратегия – это способ применения, подготовки и развития военных активов, сил и взаимоотношений для достижения ряда целей, которые вытекают из более широких политических задач и призваны служить им. Моя цель в этой книге – рассмотреть, какой должна быть оборонная стратегия Америки.

Фундаментальные цели американской стратегии

Разработка такой стратегии должна начинаться с определения общенациональных целей Америки. Разумеется, они являются предметом дискуссий и не поддаются точному определению; сама природа свободного общества такова, что эти ключевые вопросы никогда не решаются окончательно. Тем не менее, некоторые основополагающие политические цели, по всей вероятности, встретят широкое согласие среди американцев. Это поддержание территориальной целостности страны и, в ее пределах, безопасности от иностранного нападения; сохранение свободного, автономного и деятельного демократическо-республиканского политического строя; а также обеспечение экономического процветания и роста. Проще говоря, наши базовые национальные цели заключаются в том, чтобы обеспечить американцам физическую безопасность, свободу и процветание.

Физическая безопасность является краеугольным камнем всех остальных интересов и ценностей; без нее люди не могут воспользоваться ни свободой, ни процветанием и могут лишиться их полностью. Но одной лишь физической безопасности недостаточно. Для выполнения даже самого базового понимания политических целей Америки американцы должны быть достаточно свободны, чтобы определять свою национальную жизнь – выбирать собственную судьбу. Наконец, американцы должны быть достаточно процветающими, не только ради самого процветания, но и для укрепления уверенности в справедливости своего общества. Американцы могут принять решение преследовать и иные цели помимо этих трех, но делать это они смогут лишь в том случае, если будут в достаточной мере защищены, свободны и процветают.

Центральная роль баланса сил

Международная арена, на которой Соединенные Штаты преследуют эти цели, остается анархичной в том смысле, что там не существует глобального суверена, который выносил бы и обеспечивал исполнение решений в спорах. В этом контексте безопасность, свобода и процветание не могут считаться чем-то само собой разумеющимся; они не возникают спонтанно. Это связано с двумя причинами. Во-первых, в нерегулируемой ситуации акторы могут рационально стремиться к преимуществу и выгоде, используя силу, чтобы отнимать у других или подрывать их. Во-вторых, изначально уязвимые акторы могут счесть благоразумным принять превентивные меры против потенциальных угроз: лучшая защита может оказаться хорошим нападением. Эти факторы означают, что перспектива применения силы постоянно сопровождает стремление американцев к этим целям.

Тим Хэггет

Чтобы обеспечить свою безопасность, свободу и процветание, любая страна, включая Соединенные Штаты, крайне заинтересована в обеспечении благоприятного баланса сил в отношении своих ключевых интересов. Это просто иной способ сказать, что самый эффективный способ помешать другому делать то, с чем вы не готовы мириться, – быть более могущественным, чем этот другой, в отношении данного интереса. Если не удастся сохранить благоприятный баланс, то обладание этими благами будет зависеть от снисходительности того, у кого есть преимущество.

Обеспечение безопасности, свободы и процветания Америки, таким образом, требует от нас обращения к основополагающей роли силы. Для выполнения своих ключевых задач Соединенные Штаты должны стремиться к устойчиво благоприятному для себя военно-экономиче-

скому балансу сил в отношении ключевых регионов мира. В этой главе я изложу следующие ключевые принципы:

- Сила в данном контексте складывается из военно-экономической мощи.
- Наиболее значимыми акторами являются государства.
- Баланс сил особенно важен в ключевых регионах мира, то есть там, где сконцентрирована военно-экономическая мощь.
- Цель балансирования – не допустить гегемонии какого-либо другого государства в одном из ключевых регионов мира.
- Благоприятный баланс должен быть устойчивым во времени.

Что такое баланс сил?

Физическая сила, особенно способность убивать, является высшей формой принудительного воздействия. Хотя существуют и другие источники влияния, такие как богатство, убедительность и харизма, все они уступают силе, способной лишать жизни. Тот, кто способен убить другого, может, если пожелает, перевести любой спор на этот уровень и, таким образом, восторжествовать. Хотя жесткая сила – не единственная форма могущества, она является доминирующей, если применяется эффективно; жесткая сила всегда способна подчинить себе мягкую силу. Если не принимать это во внимание, сила (кулак) превосходит право. Поэтому для защиты своих интересов Соединенные Штаты должны быть особенно озабочены применением физической силы.

В стабильных обществах суверен монополизирует легитимное применение насилия: это закон и порядок. Но поскольку глобального суверена не существует, война – насилие в крупных и организованных масштабах – является высшей инстанцией в международных отношениях; если спорящая сторона прибегает к силе, разногласия в конечном счете разрешаются в пользу той стороны, которая способна более эффективно мобилизовать достаточную военную мощь. Чтобы защищать свои интересы на международной арене, такие государства, как Соединенные Штаты, должны поэтому активно противостоять угрозе применения вооруженной силы.

Это не значит, что насилие всегда является наиболее заметным элементом силы. Напротив: другие элементы силы – политические, коммерческие, интеллектуальные, идеологические, духовные – обычно более заметны, а взаимовыгодное сотрудничество является нормой и естественным состоянием. Но это верно только тогда, когда угроза насилия ограничена и контролируема, а это, в свою очередь, требует наличия самой угрозы насилия из-за ее способности доминировать. Иными словами, для того чтобы эти более мягкие инструменты влияния стали более действенными, угроза насилия должна быть сдерживаема. А поскольку насилие является важнейшим элементом силы, военная мощь в конечном счете необходима для его сдерживания.

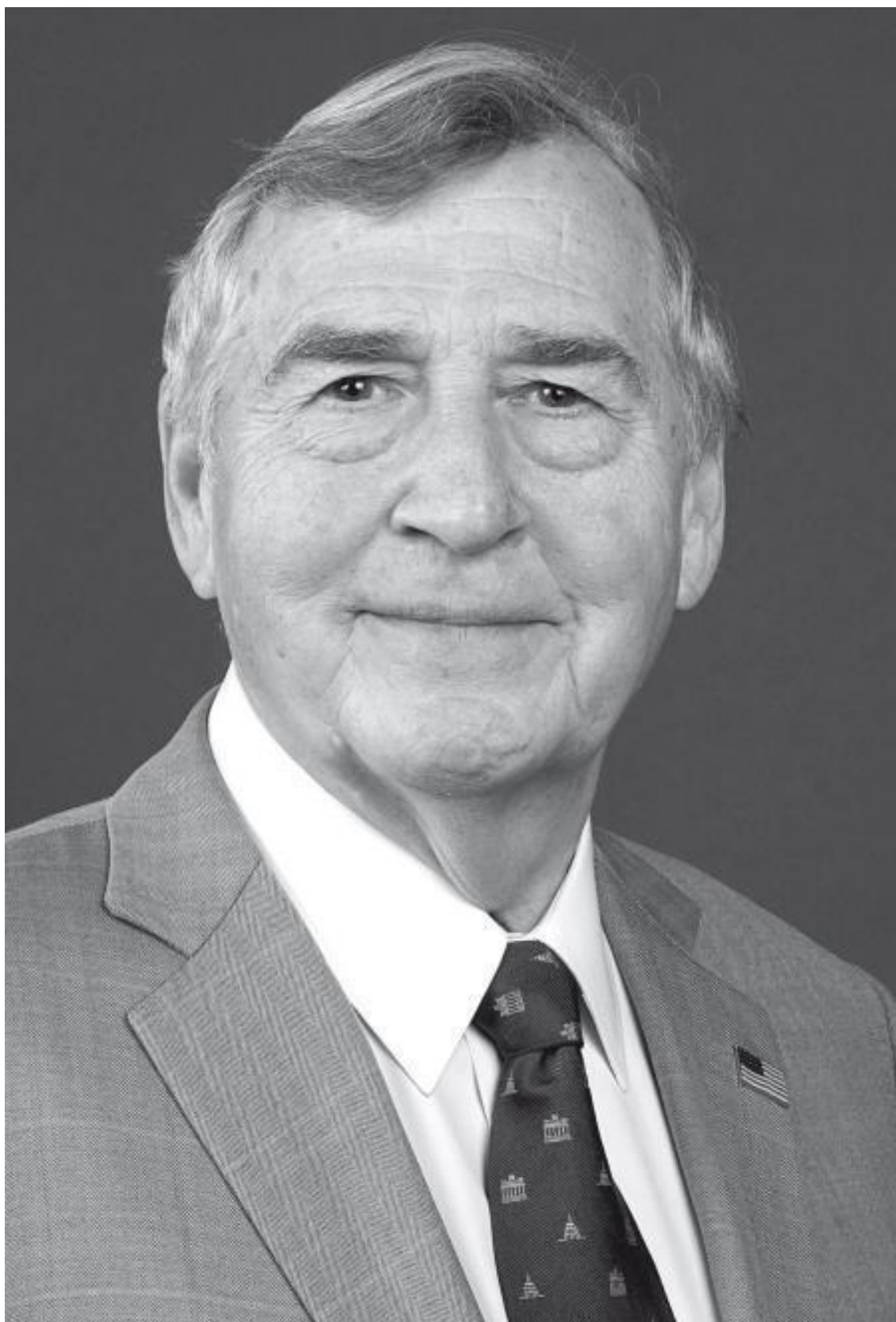
Кто имеет значение для баланса сил?

Эта реальность означает, что стратегия США в мире должна в первую очередь учитывать тех, кто обладает возможностью применять масштабное насилие, то есть тех, кто может мобилизовать военную мощь. Менее могущественные акторы, особенно те, кто обладает некоторыми средствами для причинения катастрофического насилия (например, оружием массового поражения), могут представлять серьезную угрозу, но их слабость, по определению, означает, что у более сильных сторон есть способы справиться с ними. То, как именно Соединенные Штаты могут это сделать, рассматривается далее в этой книге.

В современном мире военная мощь проистекает из способности создавать и возглавлять боеспособные вооруженные силы. Современные армии, особенно более передовые и эффективные, являются высокотехнологичными, сложными и зачастую многочисленными. Поэтому они требуют больших затрат и должны опираться на развитую, мощную экономическую и технологическую базу. Кроме того, они предъявляют высокие требования к административному и логистическому обеспечению и нуждаются в высокоэффективных административных структурах для поддержания сплоченности и обеспечения повиновения, необходимых для успешного ведения войны.

В современную эпоху и в обозримом будущем единственными субъектами, способными создавать такие современные армии, являются государства. Конечная форма силы в международной системе, следовательно, является результатом применения насилия государством или группой государств. А те государства, которые обладают наибольшей долей этого фундаментального принудительного рычага, – это те, у кого больше всего богатства и внутренней сплоченности. Таким образом, на практике государства с наибольшей военной мощью – это те, у кого самые большие экономические ресурсы.

Если бы Соединенные Штаты в этом смысле были могущественнее любой комбинации других государств, они обладали бы благоприятным силовым преимуществом при любых мыслимых обстоятельствах. В такой ситуации ни одно государство не могло бы существенно принудить их к чему-либо. Для поддержания такого благоприятного распределения сил им нужно было бы лишь заботиться о собственной силовой базе, по крайней мере не отставая от роста других государств.

Грэхам Аллисон

Однако Соединенные Штаты не обладают таким превосходством в силе – и не будут обладать. Напротив, хотя они очень могущественны, их сила существенно перевешивается силой остального мира. Если бы достаточная часть остальной мощи мира объединилась против них,

Соединенные Штаты могли бы быть принуждены в вопросах своей безопасности, свободы и процветания; другие могли бы заставить их принять то, с чем американцы действительно не готовы мириться. Соответственно, Соединенные Штаты не должны допускать формирования столь неблагоприятного для себя баланса сил.

Где баланс сил имеет значение?

Наиболее значимые государства – те, чья экономика способна обеспечить создание значительной военной мощи, – распределены не случайным образом, а сконцентрированы в определенных регионах. В этих ключевых регионах сосредоточено подавляющее большинство активной или латентной военной мощи, которая и составляет наиболее принудительную форму влияния. Помимо Северной Америки, существуют два региона – Азия и Европа, – обладающие таким же или большим экономическим потенциалом, который может быть преобразован в военную мощь, как и Соединенные Штаты, а также один субрегион – Персидский залив, – имеющий заметное значение.

Ключевые регионы мира в порядке убывания геополитической значимости:

- Азия. На Азию приходится примерно 40 процентов мирового валового внутреннего продукта (ВВП), и, учитывая, что здесь сосредоточено около двух третей глобального роста, ее доля в мировой экономической активности возрастает. В совокупности экономики Азии уже значительно превосходят экономику Соединенных Штатов и становятся все более передовыми в экономическом и технологическом плане. С геополитической точки зрения Азия, следовательно, является наиболее важным регионом мира.

- Европа. На Европу приходится почти четверть мирового ВВП, и ее экономика в целом значительно более развита, чем экономика большей части Азии. Для Соединенных Штатов она, таким образом, является критически важным вторым по значимости внешним регионом после Азии.

- Северная Америка. Северная Америка важна в геополитическом отношении из-за Соединенных Штатов. Согласно широко используемым оценкам, на долю США приходится чуть менее одной пятой мирового ВВП по паритету покупательной способности (ППС). Во многом благодаря этому большинство оценок ставят США на первое место в мире по мощи, хотя некоторые указывают, что Китай уже превзошел их. Остальная часть Северной Америки обладает скромной мощью и долей в мировой экономической активности, что делает регион уникальным, поскольку в нем доминирует одно государство.

- Персидский залив. Персидский залив – гораздо меньший и менее важный регион, чем остальные, на его долю приходится менее 5 процентов мирового ВВП. Однако в районе Персидского залива находится примерно 40 процентов мировых запасов нефти и природного газа. Контроль над этими ресурсами обеспечил бы огромный источник силы, которую можно было бы легко использовать, учитывая их центральную роль в мировой экономике, основанной на углеводородах. Это стратегическое значение, однако, не распространяется на остальную часть Ближнего Востока и Северной Африки; мощь этого региона не оказала бы существенного влияния на безопасность, свободу или процветание Америки. Соединенные Штаты имеют прямой интерес в предотвращении транснационального терроризма, направленного против них самих или их союзников, но это более ограниченная задача, которую можно решать более узконаправленно.

Остальной мир имеет значительно меньшее значение с точки зрения военно-экономической мощи. Если бы вся Латинская Америка объединилась, она представляла бы примерно половину от общей мощи Соединенных Штатов. Это существенно, но само по себе было бы управляемо. Группировка, представляющая всего лишь половину мощи США, не могла бы серьезно принудить их к чему-либо. Африка, последний крупный обитаемый континент мира, является наименее развитой его частью. На Африку к югу от Сахары приходится примерно 3 процента мирового ВВП, поэтому объединение ее мощи не привело бы к созданию серьезной угрозы для Соединенных Штатов. В Центральной Азии есть определенные богатства и природные ресурсы, но их недостаточно, чтобы реально оспаривать ключевые цели США. Остальной

мир обладает незначительной силой. Океания отличается исключительно малым населением и экономической мощью, а полюса необитаемы. Судьбы этих регионов по сути полностью определяются извне. То же самое можно сказать о космическом пространстве в обозримом будущем.

Таким образом, Азия в особенности, а затем Европа и Северная Америка являются решающими театрами мировой политики; экономика одной только Азии больше, чем экономика Африки, Латинской Америки, Центральной Азии и Океании вместе взятых. Если бы какое-то государство смогло использовать богатство одного из этих решающих театров, оно могло бы доминировать над государством, возвышающимся в любом другом регионе. Именно это понимание побудило Уинстона Черчилля заметить: «Если мы выиграем большое сражение на решающем театре, потом мы сможем все исправить». По этой причине Соединенные Штаты издавна сосредоточены на том, что Джордж Кеннан в начале холодной войны назвал ключевыми «центрами военной и промышленной мощи».

В чем цель балансирования?

Соединенные Штаты не должны бояться самого существования силы в ключевых регионах. Вместо этого они должны заботиться о том, чтобы сила этих регионов была использована для нанесения существенного ущерба безопасности, свободе и процветанию Америки.

Поэтому внимание Америки должно быть сосредоточено на государстве или государствах, которые могли бы направлять или объединять силу одного из этих ключевых регионов. Это связано с тем, что ни одно отдельное государство в современной обстановке – даже Китай, другое самое могущественное государство мира, – не обладает достаточной силой, чтобы самостоятельно принудить Соединенные Штаты в вопросах их основополагающих целей; только некое объединение других государств могло бы собрать силу, способную на это. Таким образом, единственный способ, которым Соединенные Штаты могли бы оказаться в ситуации, когда другие государства были бы существенно сильнее Америки в вопросах, действительно для нее важных, – это если бы сила одного или нескольких ключевых регионов была объединена.

Наиболее вероятная форма, в которой государство может накопить такую силу, – это гегемония, означающая, что государство осуществляет власть над другими государствами и извлекает выгоды от них, но без ответственности или рисков прямого контроля. В этой книге я буду использовать термины «гегемония» и «доминирование» как взаимозаменяемые. (Империя, другой способ осуществления контроля над другими государствами, требует гораздо больших затрат, поскольку предполагает прямое административное управление со стороны имперского центра. Прямой имперский контроль встречается реже в современном мире.)

Глобальное распределение экономической мощи. Пропорциональные круги отображают национальный ВВП в триллионах долларов США по курсу ППС 2018 года. Экономике стоимостью более 1 триллиона долларов подписаны с указанием общей суммы ВВП. Линии отображают прямые трассы полетов самых загруженных международных авиалиний мира. Карта составлена Эндрю Роудсом с использованием равновеликой проекции Ламберта.

Марко Рубио

Почти всегда именно единое государство может претендовать на гегемонию в регионе. Теоретически группа или коалиция государств могла бы установить региональную гегемонию, но такая группа столкнулась бы с колоссальными проблемами коллективных действий при попытке установить и поддерживать совместную форму доминирования. Это связано с вопросом о том, кто будет принимать решение, если группа не сможет договориться по какому-либо спорному вопросу. Из-за этого очень трудно найти стабильные империи или гегемонистские системы, предполагающие разделение государственной власти. Таким образом, потенциальный гегемон, вообще говоря, – это государство, расположенное в регионе или действующее в нем, которое достаточно могущественно, чтобы реально установить гегемонистский контроль. В частности, это, скорее всего, государство, которое является самым могущественным в регионе со значительным отрывом. Государству, которое является самым сильным лишь с неболь-

шим перевесом, будет гораздо труднее навязать свое доминирование соседям, по причинам, которые я обсужу позже.

У Соединенных Штатов есть основания опасаться, что другое государство будет стремиться к гегемонии в одном из ключевых регионов мира, потому что региональная гегемония весьма привлекательна; существуют мощные стимулы для государства добиваться ее, особенно если оно не сталкивается с достаточной противодействующей силой. Из-за этих преимуществ сильнейшие государства в регионе почти всегда в какой-то момент стремятся к доминированию. История современной Европы – это каталог попыток очень могущественных государств добиться региональной гегемонии: монархия Габсбургов в XVI веке, Франция при Людовике XIV, а затем при Наполеоне, Германия Второго и Третьего рейха и Советский Союз. Китай обладал региональным влиянием в Восточной Азии на протяжении большей части писаной истории, а Япония стремилась к нему после того, как вырвалась вперед в XIX и начале XX века. Соединенные Штаты установили эффективную региональную гегемонию в Центральной Америке и Карибском бассейне в XIX веке. Мы не должны ожидать, что современная обстановка будет иной.

Из-за размеров Азии и ее военно-экономического потенциала обеспечение того, чтобы она не подпала под такую гегемонию, имеет первостепенное значение для Соединенных Штатов. Азия вновь, после перерыва в несколько столетий, является регионом мира с наибольшим совокупным богатством и наибольшей способностью преобразовать это богатство в военную мощь. То, что другое государство может установить гегемонию над значительными частями Азии, является поэтому наиболее тревожным возможным региональным сценарием для Соединенных Штатов.

Более того, Азия также содержит самого вероятного в мире претендента на гегемонию над одним из ключевых регионов мира: Китай. Китайская Народная Республика является самым могущественным государством в международной системе после Соединенных Штатов и намного могущественнее других государств Азии. Китай – это восходящий гигант с ВВП, составляющим почти одну пятую от общемирового; большинство оценок ставят Китай на второе место в мире по мощи после Соединенных Штатов, а некоторые полагают, что он уже могущественнее Америки. Китай даже соперничает по общей мощи с другими государствами своего региона. Оценки его силы относительно других азиатских государств показывают, что он представляет примерно половину силового потенциала Азии, что ставит его в привилегированное положение для достижения регионального доминирования. Более того, есть множество свидетельств того, что Китай стремится к региональной гегемонии.

Вслед за Азией Европа является другим решающим театром для Соединенных Штатов. Ее совокупная экономика меньше, чем у Азии, но все же составляет около четверти мирового ВВП. Однако, в отличие от Азии, в Европе нет явно преобладающего государства.

Персидский залив находится на далеком третьем месте по приоритетности. Хотя его природные ресурсы могут быть легко использованы в принудительных целях, его экономика является наименьшей среди ключевых регионов, и ни одно государство в регионе не обладает подавляющим силовым преимуществом над соседями. Иран, возможно, стремится к региональной гегемонии, но он не обладает командным силовым преимуществом даже в рамках региона.

Соединенные Штаты фактически являются гегемоном в Северной и Центральной Америке, и у них не возникнет никаких трудностей с сохранением этого положения. По причинам, которые я обсужу позже, гегемония США в этом регионе совместима с интересами многих других стран и даже выгодна для них.

Существуют две важнейшие, взаимосвязанные причины, по которым Соединенные Штаты должны быть крайне обеспокоены установлением гегемонии другим государством в Азии, Европе или Персидском заливе. Эти причины не являются самоочевидными, поскольку данные регионы находятся далеко от Соединенных Штатов, за огромными океанами.

Самая прямая причина заключается в том, что, обеспечив себе такую гегемонистскую власть, государство могло бы консолидировать и использовать ее для проецирования вооруженной силы в другие места, включая Северную Америку, и, возможно, даже для оккупации или подчинения Соединенных Штатов. Это, конечно, напрямую нарушило бы самые основополагающие блага и цели американской жизни. Если бы Германия выиграла Вторую мировую войну в Европе или Советский Союз одержал победу в холодной войне, любая из этих держав вполне могла бы рано или поздно попытаться применить военную силу против Соединенных Штатов.

Это опасение, хотя и серьезное в принципе, является довольно отдаленным. Соединенные Штаты находятся за двумя великими океанами и являются невероятно богатой и могущественной страной. Они могут защитить себя и свою стратегическую сферу с помощью вооруженных сил, которые обеспечивает самая технологически развитая крупная экономика мира, опирающаяся в конечном счете на жизнеспособный ядерный арсенал, способный нанести самому агрессору сокрушительный урон. Таким образом, США обладают огромными ресурсами для обороны своей непосредственной сферы.

Более того, выгоды от фактического вторжения или агрессивного проецирования силы в Северную Америку могут не показаться убедительными устоявшемуся гегемону в Азии или Европе, учитывая связанные с этим риски и издержки. Учитывая влияние и величие, которые дает господство над одним или обоими этими ключевыми регионами, рисковать вторжением на североамериканский континент могло бы не принести достаточно выгод, чтобы оправдать издержки. Гегемонистские державы, особенно более коммерчески ориентированные, часто признают ценность ограничения своих завоеваний. Даже римляне проводили границы своего могущества по Дунаю и Рейну.

Майк Уолц

Более вероятная и потому более веская причина, по которой Соединенные Штаты должны быть так обеспокоены региональными гегемонами, является менее прямой, но тем не менее затрагивает фундаментальную цель обеспечения свободной, не принуждаемой извне национальной жизни и процветания. Если такое государство, как Китай, сможет установить гегемонию над ключевым регионом, например Азией, у него появятся веские стимулы использовать свою мощь для того, чтобы ущемлять и исключать Соединенные Штаты из относительно свободной торговли и доступа к этим богатым регионам таким образом, что это подорвет ключевые цели Америки, изменит баланс сил против Соединенных Штатов и, в конечном счете, откроет страну для прямого принуждения способами, которые поставят под угрозу свободу, процветание и даже физическую безопасность американцев.

Это связано с тем, что если Китай сможет установить гегемонию над Азией, то он сможет создать коммерческий и торговый блок, основанный на крупнейшем в мире рынке, который будет предоставлять привилегии его собственной экономике и экономике подчиненных государств, одновременно ущемляя американскую. Возникающий в результате урон для американского бизнеса, крупного и малого, наиболее остро почувствуют рабочие, семьи и общины, которые полагаются на этот бизнес в отношении рабочих мест, товаров, услуг и других благ, сопутствующих здоровой экономике. Неуклонная эрозия экономической мощи Америки в конечном счете ослабит социальную жизнеспособность и стабильность нации.

Такое ущемление – отнюдь не теоретическая проблема; сегодня Китай, судя по всему, стремится формировать экономическую карту именно таким образом. Это также не является

чем-то необычным; подобная политика обладает мощной привлекательностью и внутренней логикой и является регулярной чертой поведения как стремящихся к гегемонии, так и уже состоявшихся гегемонов. По сути, каждый стремившийся к гегемонии претендент в истории стремился создать или планировал создать экономическую систему, благоприятствующую ему самому, чтобы обогатиться, сохранить свое доминирование и исключить или ущемить потенциальных конкурентов. Примеры варьируются от Континентальной блокады Наполеона до Таможенного союза кайзеровской Германии и Сферы процветания Великой Восточной Азии Японии. Сами Соединенные Штаты исторически стремились создать экономическую сферу в Северной и Центральной Америке, включая, в самое последнее время, такие соглашения, как Североамериканское соглашение о свободной торговле (NAFTA) и Соглашение США-Мексика-Канада (USMCA).

У такого стремящегося к гегемонии претендента, как Китай, есть по крайней мере три причины стремиться к созданию экономического блока, предоставляющего привилегии его собственной экономике и ущемляющего американскую: экономика, геополитика и статус.

Во-первых, лидеры Китая могут – и, судя по всему, так и делают – считать, что такой блок является наиболее разумным способом укрепления экономической мощи своего государства. Они могут счесть торговый или регуляторный блок, основанный в Азии, который они могут контролировать или на который могут существенно влиять, предпочтительнее, чем участие в конкурентном глобальном рынке, который они не контролируют. Доминирование над экономическим блоком с крупными внутренними потоками торговли, капитала и рабочей силы помогло бы защитить Пекин от глобальных экономических потрясений и сопутствующего риска замедления роста. Ущемление Соединенных Штатов может показаться необходимым для формирования и поддержания сплоченного блока под эгидой Китая и противодействия тому, что Пекин может счесть дестабилизирующим вмешательством со стороны США и других стран.

Такой блок мог бы позволить Китаю более эффективно формировать свое собственное социальное и политическое будущее. Государственная экономическая политика – это не просто технические вопросы максимизации роста и уровня жизни; они имеют глубокие последствия для того, как общества развиваются и структурируются. Некоторые общества могут предпочесть политическую стабильность неравномерному росту или равенство – созданию богатства. Однако для достижения своих целей государства должны обладать экономической мощностью, позволяющей формировать свои общества перед лицом чрезвычайно мощных международных экономических сил. В свете этого Китай оказался бы в гораздо более сильной позиции для формирования своей собственной социально-политической судьбы, если бы он мог доминировать над большим экономическим блоком; это позволило бы ему конкурировать с позиции силы и более эффективно регулировать потоки торговли, капитала и рабочей силы для достижения своих собственных предпочтительных целей.

Существуют и более строгие экономические причины для Китая стремиться к созданию такого блока. Высокотехнологичная экономическая деятельность распределена не случайным образом; она сконцентрирована в Северной Америке, Европе и Восточной Азии. Китай мог бы пожелать направить этот вид экономической активности своим собственным компаниям и рабочим, чтобы вывести себя на передний край глобальной экономики со всеми вытекающими преимуществами. Он мог бы сделать это, поддерживая отрасли, которые считает важными, и создавая достаточно большой внутренний рынок, чтобы позволить своим фирмам расти и в конечном итоге завоевать командные высоты в мировой экономике. Экономический блок, контролируемый Китаем, предложил бы благоприятную основу для развития таких отраслей.

Это тоже отнюдь не теория; в ключевых аспектах это просто описывает поведение Китая за последнее поколение. Экономика Китайской Народной Республики, хотя в некоторых отношениях и является свободным рынком, предполагает такой уровень государственного вмеша-

тельства, который Соединенные Штаты считают несправедливым и противоречащим их интересам. В своих усилиях по восхождению по лестнице экономической деятельности, переходу от низкооплачиваемой, трудоемкой экономики к более капиталоемким формам производства, Китай действовал способами, которые Соединенные Штаты расценивают как дискриминационные или даже худшие. Он, судя по всему, целенаправленно проводит политику, направленную на формирование своего регионального окружения для изоляции и продвижения своей собственной предпочтительной модели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.